Когда я поняла, что по состоянию здоровья не смогу продолжать работу инженера-конструктора, решила попробовать себя на поприще искусства, тем более, что с детства меня привлекала архитектура зданий, всегда хотелось заглянуть в них, узнать о жизни тех, кто их строил и в них жил. Я пошла на курсы и стала изучать специальную литературу, а затем по договору устроилась работать в Юсуповский дворец экскурсоводом.

В то время вышла книга В. Листова «Монигетти», в которой все интерьеры дворца приписывались этому архитектору. Поначалу и я так трактовала своим слушателям. Работа во дворце захватила меня. Я решила как можно больше узнать об этом доме и его обитателях, ибо поняла, что люди чувствуют глубину знания экскурсовода и ценят его, когда понимают, что он знает значительно больше, чем говорит им. Я по крупицам собирала материал в библиотеках, музеях, архивах. Несколько раз ездила в имение «Архангельское», впитывая атмосферу жизни Юсуповых. Я как будто предчувствовала, что именно там я найду интересующий меня материал. В «Архангельском» я познакомилась с директором и научными сотрудниками. Это было важно, так как в то время, т.е. 1980-х годах, о Юсуповых в России мало что печатали.

Однажды в Эрмитаже я увидела акварели художника А. Редковского с изображением интерьеров Юсуповского дворца. Эти рисунки он выполнил в начале 1860-х годов, то есть сразу после окончания всех работ И.А. Монигетти в этом дворце. Сразу бросилось в глаза, что многие интерьеры совсем другие, чем существующие ныне. Я поняла, что после Монигетти во Дворце работал другой, не менее талантливый архитектор, и начала его поиски в архивах. Петербургские архивы мало что дали. Я не находила

главного – его чертежей. Но однажды мне позвонила из «Архангельского» научный сотрудник Любовь Савинская и сказала, что нашла какие-то чертежи, которые могут меня заинтересовать. Я тут же собралась и поехала в Москву. Какова же была моя радость, когда я увидела чертежи, подписанные рукой архитектора Степанова! К сожалению, эти чертежи были по другим объектам, в частности по объектам в Петродворцовой усадьбе «Александрия»... Но, среди прочего, я нашла то, что дало ключ по раскрытию работ архитектора в петербургском доме. Это были письма Степанова, адресованные Зинаиде Николаевне Юсуповой и её мужу, Ф.Ф. Сумарокову Эльстону. В них подробно описывалось, что сделано в их петербургском доме на Мойке, и что ещё предстоит сделать. Эти письма приведены мной в моей[1] книге в главе о работах архитектора во дворце Юсуповых. На конвертах этих писем я нашла и обратный адрес архитектора.

Как только вернулась в Ленинград, сразу пошла по указанному адресу. Но в квартире, которая была обозначена в адресе, проживали совсем другие люди. Однако интуиция, что кто-то должен знать о семье Степановых, заставляла меня ещё и ещё раз приходить к этому дому. Я разговаривала со многими людьми, которые жили здесь. К сожалению, никто из них не знал Степановых. Но в одно из воскресений мне повезло: на скамеечке я увидела пожилую женщину, и как-то сразу появилась уверенность, что именно она должна помочь мне в поисках. Я быстро подошла к ней с неизменным вопросом. Когда назвала номер квартиры, указанный в письме Степанова, она ответила, что знает тех людей, которые живут в этой квартире, к которым я уже тщетно обращалась, и что это не те люди, которые мне нужны. Но, подумав, вдруг вспомнила, что в одной, небольшой квартирке жили пожилые люди, и что, кажется, их фамилия Степановы.

Я тут же поднялась к ним. Дверь мне открыла пожилая женщина. Когда я рассказала, что привело меня к ней, она очень обрадовалась и представилась мне, что она Надежда Сергеевна – внучка архитектора, дочка его сына, Сергея. Мы долго беседовали, она показала мне сохранившееся фото Александра Александровича, фото его детей и внуков. Мы подружились с этой прекрасной, много вынесшей лишений женщиной.

В разговоре она рассказала, что помнит, как хорошо они жили в большой двухъярусной квартире, купленной архитектором. На

---

[1] Татьяна Соловьёва «Архитектор Степанов», из. «Страта», СПб, 2018 г.

верху находилась его мастерская, целиком заполненная чертежами. Но квартира, в которой сегодня жила внучка архитектора, была совсем небольшой. Надежда Сергеевна рассказала, что была маленькой, когда к ним пришли какие-то люди, почему-то ей запомнилось, что у одного из них был большой нож. Память сохранила его слова, которые он сказал, что теперь они будут жить в этой квартире, а семье Степановых с маленькими детьми отводилась кухня. «Вся эта квартирка, – сказала, оглянувшись вокруг, Надежда Сергеевна – сделана из бывшей просторной кухни, находившейся наверху».

В разговоре Надежда Сергеевна вспомнила, что после смерти дедушки его старший сын, – подававший большие надежды инженер Александр Александрович, понимая ценность выполненных отцом проектов, которые хранились дома, принёс их в Петроградское отделение Главнауки (с него начинался КГИОП, УГИОП...). Но, как писал впоследствии исследователь города А.Н. Петров, «...инспектор Котов не посчитал нужным их принять и они, по-видимому, пропали...». Очевидно тогда образованный Александр Александрович, поняв, что теперь здесь он также не найдет себе места, покинул родину. Надежда Сергеевна рассказала также, что во время блокады Ленинграда они, спасаясь от холода, топили буржуйку чертежами деда...

Танцевальный зал Юсуповского дворца

Когда я поведала ей, что хочу напечатать статью о её дедушке, замечательном архитекторе и рассказать о его работах, она стала меня отговаривать. Прожив много лет в страхе, она боялась всего, боялась огласки, боялась и за меня, и говорила, что, если я напечатаю статью, мне не дадут работать во Дворце. Но я уверила её, что наступило другое время, и обязательно нужно открывать такого талантливого архитектора, создателя уникального юсуповского театра и множества других помещений во дворце, автора и других домов Петербурга.

Я понесла статью в архитектурный журнал «Ленинградская панорама», где она и была напечатана. Но, неожиданно для себя, вдруг поняла, что Надежда Сергеевна была права. Когда я показала статью в то время директору Дворца – Г.И. Свешниковой, она сказала, что знает историю дома лучше меня, что никакой архитектор Степанов у них не работал, а все интерьеры, о которых я написала, исполнил архитектор И.А. Монигетти. И добавила, что о нём совсем недавно в весьма уважаемом издательстве вышла книга Листова, которой она верит. С этого дня меня потихоньку стали отстранять от проведения экскурсий во Дворце. Но, по счастливому совпадению, в это время мне позвонили из Музея Истории Ленинграда и предложили перейти на работу к ним; так в напечатанной статье об архитекторе я рассказала и о работах его в Особняке Румянцева, который являлся филиалом музея Истории Ленинграда, да и о других работах архитектора. Ничего из того, что было в моей статье, в особняке Румянцева не было известно. Я с радостью согласилась. (Кстати, после того, как я перестала работать в Юсуповском дворце, сотрудники пришли к выводу, что я была права, и все работы, о которых я написала, исполнены именно Степановым. Ничего мне не сказав, и даже не извинившись, они по-тихому исправили документацию. Сегодня все работы Степанова, перечисленные мною в публикациях, по праву отданы этому автору.)

Лестница в театр

Но мои исследования по архитектору Степанову на этом не закончились. Мне очень хотелось найти его могилу, и, зная о его забвении и страхах его семьи, поведать ему, что его труды не забыты, что о нём помнят. Надежда Сергеевна на мой вопрос о могиле архитектора вспомнила, что кто-то из родных однажды сказал, о том,

Столовая

что он похоронен на Смоленском кладбище, где-то неподалёку от часовни Ксении Блаженной. Несколько воскресений я потратила на хождение вокруг этой часовни, пока неожиданно не наткнулась на большую черного мрамора плиту, на которой едва проступали выгравированные слова:

«Степанов Александр Александрович
(1856 – 1911).
Архитектор».

Могила архитектора находилась в первом ряду у дорожки, отделявшей её от часовни Ксении Блаженной. За этой могилой, в следующем ряду, находились захоронения, где значилось, что здесь лежат «Младенцы Степановы».

Я тут же пошла к Надежде Сергеевне и рассказала ей об этом. Вскоре мы навестили могилу, возложили цветы. Прошло несколько лет. Надежды Сергеевны не стало. Наступило время перестройки, в газетах стали часто появляться публикации о возрождении часовни Ксении Блаженной. Я решила посмотреть на часовню, а заодно и навестить захоронение Александра Александровича. Каково же было мое удивление, когда на месте плиты, под которой был похоронен архитектор, находилась дорожка, по которой шли люди к часовне. Весь ряд захоронений, в котором находилась могила архитектора, был уничтожен, так как кому-то потребовалось расширить дорожку, ведущую к входу в часовню. И ближайшие захоронения от часовни теперь открывались могилкой, где лежали младенцы Степановы. Как-то само собой возник человек с ножом, о котором рассказывала Надежда Сергеевна...

Административный корпус Смоленского кладбища оказался закрытым, да я и поняла, что в те, лихие, начальные 1990-е годы, когда не существовало никаких правд, никто меня не стал бы слушать.

Почему-то мне кажется, что сама Ксения Блаженная очень недовольна содеянным...

Санкт-Петербург